

УДК 338.43(470)(09)  
ББК 65.32(2Рос)г

**А. В. Шалак**

*Байкальский государственный университет  
экономики и права,  
г. Иркутск, Российская Федерация*

## **СИСТЕМА ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВОК И ПРОБЛЕМА СТИМУЛИРОВАНИЯ КОЛХОЗНОГО ТРУДА В 1940-е гг.**

*Аннотация.* В статье исследуется налоговые обязательства колхозов перед государством, выявляется расхождение отраженных в документах органов власти основ трудовой деятельности с их реализацией. В силу данного несоответствия, важнейшей составляющей мотивации труда колхозного крестьянства являлась внутренняя мотивация. С точки зрения автора, стимулирование и мотивация труда могут рассматриваться только в рамках конкретно-исторической ситуации и в рамках определенного культурного фона.

*Ключевые слова:* налоговые обязательства, стимулирование труда, мотивация, распределительные отношения, условия жизни.

**A. V. Shalak**

*Baikal State University of Economics and Law,  
Irkutsk, Russian Federation*

## **THE SYSTEM OF OBLIGATORY DELIVERIES AND THE ISSUE OF LABOUR PROMOTION IN KOLKHOZ IN 1940s**

*Abstract.* The article is intended to study the kolkhoz tax liabilities to the government and reveal the divergence of work fundamentals reflected in the official documents with their realization. Due to such inconsistency, the intrinsic motivation was the main constituent part of labour motivation of kolkhoz peasantry. According to the

author, labour motivation and promotion can be scrutinized only under certain historical conditions and cultural background.

**Keywords:** tax liabilities, labour benefit, motivation, distributive relations, life conditions.

Стимулирование труда в данной статье рассматривается как использование комплекса внешних факторов для мотивации трудовой деятельности. О мотивации труда в сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны можно говорить с известной долей условности. Там, где повседневная жизнь определялась лозунгом: «Все — для фронта, все — для победы», говорить о продуманной политике государства по материальному стимулированию труда вряд ли возможно. В военный период доминируют иные цели и ориентиры. В то же время абсолютно игнорировать эти вопросы было невозможно, они находили отражение в руководящих документах партийных и советских органов власти. В индустриальном секторе, особенно на крупных предприятиях, обладающих ресурсами, материальное стимулирование труда играло много большую роль. При этом все же открытым остается вопрос, насколько меры в этой области действительно глубоко проникали во все сферы производственных отношений, имели системный характер.

Вопрос о мотивации труда в сельском хозяйстве является еще в большей степени проблемным. Несомненно, есть нормативные документы органов власти по этим вопросам. С формальной точки зрения, они представляют собой систему мер в данной области. Однако материальные возможности для их практического воплощения были сведены к минимуму. Анализ архивных материалов свидетельствует о весьма мозаичной картине в области материального стимулирования труда колхозников.

Специфика сельскохозяйственного производства такова, что распределять можно то, что произведено

по итогам сельскохозяйственного года. До этого момента работники накапливали трудовни, то есть работали, не получая адекватной отдачи за труд, за исключением частичного авансирования. То есть, получить вознаграждение за свою работу можно было только в длительной перспективе, и это накладывало свой отпечаток на трудовую деятельность, препарирруя достигнутые результаты многими ситуативными моментами, начиная от погодных условий и кончая субъективными факторами. Конечный же результат вознаграждения в виде материальной массы (продуктов сельского хозяйства), а также выплачиваемый по итогам года денежный эквивалент определялся теми повинностями (налогами), которыми было обложено крестьянство. Это как две стороны одной медали. Изучение мотивации труда в сельском хозяйстве через систему распределения получаемых доходов нельзя отделять от тех налоговых нагрузок, которые несли колхозники. Именно поэтому внимательное прочтение налоговых обязательств позволяет говорить о весьма условной мотивации труда труженников сельского хозяйства через материальные стимулы. Причем это имеет отношение не только к военному времени, но выходит даже за рамки послевоенного восстановительно периода.

В качестве примера обратимся к Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. В нем отмечается, что практика уравнительного распределения по трудовням относится к числу грубейших нарушений Устава сельскохозяйственной артели и является, наряду с другими нарушениями Устава, «кулацкой вредительской практикой», противоречит марксистскому пониманию равенства т. д.<sup>1</sup> Но тут же подчеркивалось, что улучшать свое положение колхозники могут только за счет доходов, получаемых в своем хозяйстве и только после выполнения всех обя-

<sup>1</sup> Известия. 1946. 20 сент.

зательств, имеющих общенародное значение. Однако после выполнения плановых обязательств в большинстве колхозов не оставалось средств для распределения по трудодням, т. е. принцип распределения по труду, прописанный в Уставе сельскохозяйственной артели, работать не мог. Как в годы войны, так и в послевоенный период акцент делался на обязательствах колхозов перед государством, а не на трансформации производственных отношений и налоговой нагрузки таким образом, чтобы изменить характер распределительной системы и через материальную мотивацию влиять на условия жизни колхозного крестьянства. В силу данного обстоятельства анализ объемов изъятия через систему «обязательных поставок» натуральных и денежных доходов колхозов является основой исследования возможностей мотивации и стимулирования труда в сельском хозяйстве.

Первоочередной обязанностью колхозов являлось выполнение ими натуральных обязательств перед государством. Обязательства по поставкам имели силу налога и являлись строго неперенными для выполнения. В случае их невыполнения недоимки взыскивались с колхоза в судебном порядке. Обязательные поставки были введены постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) в 1933 г.<sup>1</sup> сначала по зерну, а в дальнейшем были распространены на многие другие культуры и мясопродукты.

До 1940 г. обязательные поставки зерна и некоторых других культур исчислялись в зависимости от плана сева данной культуры. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г.<sup>2</sup> была введена система исчисления обязательных поставок с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом. На Февральском пленуме ЦК КПСС (1947 г.) указывалось, что в размер пашни, по которой происходит ис-

<sup>1</sup> Известия. 1933. 20 янв.

<sup>2</sup> Там же. 1940. 8 апр.

числение обязательных поставок, включаются также огороды<sup>1</sup>. Местные органы власти отреагировали на это своеобразно. Например, в период хлебозаготовки 1948 г. руководители Тюхтетского района (Красноярский край) дали указание уполномоченным райкома партии произвести «обобществление» посевов зерновых культур на приусадебных участках колхозников. Только по шести колхозам было «обобществлено» таким образом 517 га посевов<sup>2</sup>.

Отметим также, что до 1947 г. нормы обязательных поставок государству зерновых культур устанавливались по территориальным группам районов, а с 1947 г. допускалось в рамках одного административного района применять несколько норм по группам колхозов. При этом для колхозов, не обслуживаемых машиностроительными станциями (МТС), нормы обязательных поставок зерна и риса устанавливались на 25 % выше. Но перевести колхозы из одной группы в другую можно было только с разрешения Совета министров СССР, что фактически делало данную возможность нереализуемой. В случае невыполнения в срок обязательных поставок, на колхоз налагался денежный штраф в размере стоимости несданной в срок продукции по государственным закупочным ценам, а должностные лица часто привлекались к уголовной ответственности.

После выполнения обязательных поставок государству, колхозы должны были расплатиться за работу с МТС в соответствии с заключенным договором, имеющим силу закона. Всю натуроплату, причитающуюся МТС по врученным счетам, колхоз должен сдать государству в порядке и сроки, установленные центральными органами власти. Причем сельскохозяйственную продукцию, причитающуюся за работы МТС, колхоз также был обязан доставить своими транспортными

<sup>1</sup> Правда. 1947. 28 февр.

<sup>2</sup> Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 2. Д. 32. Л. 178.

средствами и за свой счет. При этом колхоз начинал выполнять свои обязательства перед МТС в процессе уборки, то есть авансировал МТС до вручения окончательных счетов с ее стороны. Если колхоз не рассчитывался с МТС за выполненные работы, применялась процедура, аналогичная при невыполнении колхозом своих обязательств перед государством. Единственное отличие заключалось в том, что на колхоз в этом случае налагался денежный штраф в размере половины стоимости несданной части натуроплаты.

При распределении натуральных доходов колхоз должен был выполнить свои обязательства по договорам, заключаемым государственными заготовительными организациями или производственными предприятиями с колхозами (договор контрактации). Особенность этих договоров в том, что заготовитель мог оказывать материально-техническую помощь колхозу в осуществлении договора. Как правило, колхоз получал денежный аванс, нередко сортовые семена. Главное же отличие заключалось в том, что за культуры, сдаваемые государству в порядке контрактации, колхозы получали право получать оплату по высоким заготовительным ценам, денежные премии-надбавки при сверхплановой сдаче, а также продукты и промышленные товары по льготным ценам. Сила закона по договорам контрактации была придана постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г.<sup>1</sup> Договоры контрактации были выгодны колхозам, создавали основу для получения больших доходов и развитие на этой основе мер материального стимулирования. Но это становилось возможным только при условии наличия продукции после выполнения колхозами своих обязательств перед государством.

В 1940-е гг. получила развитие еще одна форма контрактации: заключение договоров непосредствен-

<sup>1</sup> Известия. 1935. 27 сент.; 1942. 12 июля.

но с самими колхозниками. Прежде всего, это имело отношение к приобретению у них крупнорогатого скота. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1943 г. рекомендовалось выплачивать колхозникам, рабочим и служащим за каждую голову молодняка, сданного ими в колхоз для комплектования животноводческих ферм, стоимость молодняка по государственным закупочным ценам. Кроме того, рекомендовалось выдавать за каждый килограмм живого веса сданного теленка по 1 кг зерна или 10 кг грубых кормов в переводе на сено или за каждого сданного теленка в возрасте старше шести месяцев принимать на себя выполнение обязательных поставок по мясу в размере не свыше годовой нормы этих поставок, установленной для колхозного двора<sup>1</sup>. Но данные выплаты и зачеты могли осуществляться только после выполнения колхозом обязательств по сдаче зерна государству. Соответственно, это требовало от колхозов иметь натуральный запас продуктов для покрытия указанных расходов. Размер этого запаса определялся планом по закупке и контрактации молодняка у колхозников, который устанавливался государственными органами. То есть теоретически, это также можно рассматривать как меру стимулирования труда в сельском хозяйстве. Но опять же эта мера могла работать при наличии у колхоза ресурсов после выполнения планов по обязательным поставкам.

Но и после выполнения обязательств перед государством, МТС, договорам по контрактации колхозы не могли приступить к образованию внутриколхозных общественных натуральных фондов. В соответствии со ст. 11 Устава сельскохозяйственной артели, из натуральных доходов, полученных колхозом от растениеводства, требовалось создать семенной и фуражный фонды, ежегодно возобновляемые семенной и фуражный страховые фонды. Кроме того, из полу-

<sup>1</sup> Известия. 1943. 14 апр.

ченных натуральных доходов колхоз обязан был образовать продовольственный страховой фонд и фонд помощи нетрудоспособным колхозникам, нуждающимся семьям военнослужащих и на содержание детских яслей и сирот.

Семенной страховой фонд создавался в размере от 10 до 15 % годовой потребности в семенах и подлежал обязательному ежегодному возобновлению. Фуражный фонд создавался в размерах, обеспечивающих полную годовую потребность общественного скота колхоза в кормах. Страховой фуражный фонд создавался на случай неурожая для страховки от бескормицы за счет кормовых ресурсов, остающихся в колхозе после выполнения обязательств перед государством и образования основного фуражного фонда. В соответствии с п. «б» ст. 11 Примерного устава сельскохозяйственной артели фуражный страховой фонд, также как и семенной страховой фонд, должен создаваться в размере 10–15 % годовой потребности в кормах. Накануне войны постановлением СНК СССР от 29 мая 1941 г. «О мерах по увеличению кормов для животноводства в колхозах» было предложено довести в каждом колхозе ежегодно обновляемые, т. е. заменяемые кормами нового урожая, страховые запасы грубых кормов (сена, соломы) до 23–30 % годовой потребности<sup>1</sup>.

Кроме двух вышеназванных фондов, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 августа 1940 г., обязательным для колхозов стал продовольственный страховой фонд, который должен был составлять не менее 2 % валового сбора продовольственных культур<sup>2</sup>. Выделение его должно было производиться из той части зерна, которая остается для распределения на трудодни, т. е. не должно затрагивать зерна, предназначенного для выполнения

<sup>1</sup> Известия. 1941. 6 июня.

<sup>2</sup> Там же. 1940. 1 авг.

натуральных обязательств перед государством и для создания общественных натуральных фондов колхоза.

Фонд помощи колхозникам-инвалидам, старикам, временно потерявшим трудоспособность, нуждающимся, семьям военнослужащих и на содержание детских яслей и сирот не должен был превышать 2 % валовой продукции колхоза. В этот фонд колхозу разрешалось выделять как продукты растениеводства, так и продукты животноводства. При необходимости колхоз мог произвести обмен одной части продуктов на другие, нужные колхозу для оказания помощи или для детских яслей. Этот фонд мог образовываться и за счет денежных доходов колхоза.

На основании Устава сельскохозяйственной артели колхоз мог часть полученного урожая и продукции животноводства выделять для продажи государству или на рынок. При продаже хлеба государству колхоз поощрялся встречной продажей промышленных товаров и выдачей премий-надбавок за продажу значительного количества хлеба. При продаже продуктов на рынке колхозы формально должны были руководствоваться решением общих собраний колхозников о ценах на продукты, предназначенных к продаже. Применительно к природным условиям колхоз мог развивать подсобные промыслы (например, кузницы, шорные мастерские, кирпично-черепичные заводы, заводы по переработке продуктов сельского хозяйства и т. п.), продукция которых использовалась на производственные нужды и только часть ее шла на реализацию.

Только после того, как колхоз выполнил свои обязательства перед государством, возвратил государству полученные натуральные ссуды, внес натуроплату МТС, создал общественные натуральные фонды и выделил необходимую часть продукции для продажи государству или на рынок, оставшуюся часть урожая и продуктов животноводства можно было распределять между членами колхоза по трудодням.

Начисление трудодней должно было производиться в соответствии с квалификацией колхозника, в зависимости от степени важности, сложности и трудности работы. Однако типичной на протяжении 1940-х гг. являлась практика распределения доходов между членами колхоза только по количеству затраченных трудодней без учета результатов труда. Когда в 1945 г. была предпринята попытка рассчитать фонд потребления хлебных продуктов сельскохозяйственного населения, оказалось, что вообще не имеется методики определения бюджета среднедушевого потребления. Подобный учет просто не велся<sup>1</sup>.

В послевоенный период эту практику попытались исправить. На основании решений Февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) был установлен новый порядок оплаты труда колхозников, по которому распределение доходов между членами колхоза требовалось производить с учетом собранного урожая и в зависимости от выполнения заданий по продуктивности животноводства и росту поголовья скота. Для этого вводилось дополнительное начисление определенного процента трудодней при перевыполнении плана урожайности и списание установленного процента трудодней при невыполнении плана сбора урожая. Например, бригаде, перевыполнившей установленный план сбора урожая по закрепленной за ней культуре или группе однородных культур, начислялось дополнительно за каждый процент перевыполнения плана 1 % количества трудодней, затраченных ею на данную культуру. С бригады, недовыполнившей план сбора урожая, списывался за каждый процент его недовыполнения 1 %, но не более 25 % количества трудодней, затраченных ею на данную культуру<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.273. Оп.2. Д. 100. Л. 65.

<sup>2</sup> Правда. 1947. 28 февр.

Кроме оплаты труда членов колхоза по трудодням постановлениями центральных органов власти с 1941 г. была введена дополнительная оплата труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Например, колхозники полеводческой бригады, перевыполнившие план урожайности на всей площади зерновых культур, закрепленной за бригадой, получали в качестве дополнительной оплаты четвертую часть зерна, собранного бригадой сверх установленного для нее планового урожая.

Доярке-скотнице, обслуживающей не менее восьми коров, за получение телят от всех закрепленных за ней коров и полное сохранение телят до передачи их в 15–20-дневном возрасте телятнице, разрешалось выдавать сверх установленной оплаты по трудодням 150 литров молока или одного теленка в четырехмесячном возрасте, а при сохранении не менее 90 % телят — 75 литров молока или одного ягненка, либо поросенка в двухмесячном возрасте. Однако дополнительная оплата труда за перевыполнение плана урожайности и продуктивности животноводства могла начисляться только при выполнении колхозниками обязательного минимума трудодней<sup>1</sup>.

В годы войны практика оплаты по труду в колхозах практически не применялась, да и трудодни могли начисляться за что угодно. В послевоенный период центральные органы попытались усилить роль материальных стимулов. Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. неправильное расходование трудодней в сельскохозяйственной артели квалифицировалось как грубейшее нарушение Устава сельскохозяйственной артели. В целях его устранения теперь колхозы, наряду с годовым производственным планом, должны были составлять

<sup>1</sup> Известия. 1941. 1 янв.

планы затрат трудодней по каждой культуре. Работы, не предусмотренные планом затрат трудодней, могли вестись только с разрешения председателя колхоза, но в последующем подлежали обязательному утверждению на общем собрании членов колхоза. Кроме того, за неправильное начисление трудодней колхозникам списывалось до пяти трудодней с допустившего это бригадира или заведующего фермой. За допущение перерасхода трудодней на оплату административного и обслуживающего персонала колхоза с председателя колхоза, счетовода (бухгалтера) и членов правления (с каждого) должно было списываться до 10 % начисленных им за год трудодней<sup>1</sup>. Однако, в последнем случае делать это можно было только по решению общего собрания колхозников, что явно ставило административный персонал колхозов в предпочтительное положение. Когда в 1946 г. проверили Тулунский район (Иркутская область) по порядку начисления трудодней, то оказалось, что по 46 колхозам административно-управленческий персонал за счет завышения расценок незаконно начислил себе 29 931 трудодень<sup>2</sup>. При этом и нормы оплаты по трудодням административно-управленческий персонал колхозов определял для себя нередко совершенно другие. Например, в колхозе «Улан-Цирик» (Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ) такие начисления по итогам 1946 г. составили для приближенных председателя колхоза 20–50 р. и до 10 кг хлеба на один трудодень, тогда как для рядовых колхозников они составляли, соответственно, 10–25 к. и 10–25 гр. хлеба<sup>3</sup>.

Окончательный расчет на выработанные трудодни члены колхоза могли получить в конце хозяйственного года. До этого времени члены колхоза могли получать продукты урожая и животноводства в

<sup>1</sup> Известия. 1946. 20 сент.

<sup>2</sup> ГАНИИО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 225. Л. 53.

<sup>3</sup> Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 309. Л. 59.

виде авансов. Порядок авансирования был определен только в 1950 г. Согласно постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении уборки урожая и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1950 г.» колхозам разрешалось авансировать членов артели до выполнения плана заготовок зерном, картофелем и овощами в размере 15 % от фактически сданного (зачтенного) на государственные заготовительные пункты в счет обязательных поставок, натуроплаты за работы МТС и возврата ссуд<sup>1</sup>.

Окончательное распределение доходов между колхозниками разрешалось производить только в конце хозяйственного года. При этом из общего количества продукции, подлежащей распределению среди членов колхоза, вычиталась часть продукции для выдачи работникам тракторных бригад в тех случаях, когда уровень оплаты трудодня в колхозе был ниже гарантированной оплаты зерном трудодня тракториста, и для дополнительной оплаты труда колхозникам за перевыполнение планов по урожаю и продуктивности животноводства. После этих вычетов вся оставшаяся масса продукции растениеводства и животноводства делилась на общее количество трудодней текущего года, затраченных колхозниками в общественном хозяйстве колхоза. В итоге такого подсчета определяется количество продукции, приходящейся на один трудодень. Затем определяется доход каждого колхозника в соответствии с количеством выработанных им трудодней.

Денежный доход колхоза складывался из средств, получаемых за сданные государству по обязательным поставкам и в порядке контрактации, а также в порядке государственных закупок продукты растениеводства и животноводства. Кроме этого, в него входили суммы, вырученные от реализации на рынке части продукции, скота и изделий подсобных предприятий,

<sup>1</sup> Известия. 1950. 15 июня.

а также полученные за работы и услуги, выполненные колхозом сторонним организациям и лицам. При этом следует отметить, что колхозная продукция изымалась по государственным заготовительным ценам, по сути, бесплатно. Один килограмм сдаваемого зерна стоил 7–8 к., картофеля — 3 к., голова крупнорогатого скота оценивалась, в среднем, в 53 р., свинья — от 31 до 48 р., голова овцы или козы — от восьми до одиннадцати рублей. На городских рынках Восточной Сибири цены на эту продукцию были в сотни раз выше. Например, стоимость килограмма ржаной муки в 1947 г. поднималась до 65 р., картофеля — до 28 р., корова дойная стоила в пределах 10–13 тыс. р., коза — 1200–1500<sup>1</sup>. Поэтому на весь денежный доход, полученный по трудодням на душу колхозного населения, например, в Бурят-Монгольской АССР за 1943–1944 гг., можно было купить на городском рынке пять-семь килограмм хлеба или два-три килограмма мяса [3, с. 47].

Колхоз из полученных денежных средств обязан был выплатить государству установленные законом налоги, страховые платежи и возратить денежные ссуды. Закон о подоходном налоге с колхозов был принят 1 марта 1941 г. С доходов от продажи продуктов в порядке контрактации и госзаупок, а также с доходов от продукции, используемой на внутривоспроизводственные нужды колхозов, налог устанавливался в размере 4 % с облагаемого дохода, с остального дохода колхоза — в размере 8 %. В случае неуплаты налога в установленном порядке неуплаченные суммы налога списывались с текущих счетов колхозов по решениям народного суда. Не включались в состав облагаемого дохода колхоза суммы, полученные от сдачи государству продукции по обязательным поставкам, фураж, расходуемый на корм скоту колхозных ферм, денежные суммы за оплату работы МТС [5, с. 191–195]. С 1949 г. подо-

<sup>1</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 2. Д. 712. Л. 49, 54, 60.

ходный налог с колхозов стал исчисляться в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1948 г. Ставки налога были пересмотрены в сторону повышения. С доходов от продукции, используемой на внутрихозяйственные нужды колхозов, подоходный налог увеличивался до 6 % с облагаемого дохода. С других доходов подоходный налог стал исчисляться по еще более высоким ставкам. Подоходный налог колхозы были обязаны уплачивать в четыре срока: к 25 марта вносится аванс в размере 20 % налога предшествующего года; к 1 июня — 30 % оклада текущего года с зачетом уплаченного аванса; к 1 октября — 30 % и к 1 декабря — 40 % оклада. С этого же времени в случаях неуплаты подоходного налога в установленные сроки, неуплаченные суммы налога по решению народного суда списывались с текущего счета колхоза. За просрочку платежа по налогу взыскивается пеня в размере 0,05 % за каждый день просрочки<sup>1</sup>.

К числу первоочередных денежных обязательств колхозов относилось также внесение платежей по обязательному страхованию. На основании закона от 4 апреля 1940 г. обязательному окладному страхованию в колхозах подлежали строения, инвентарь, оборудование, транспортные средства, продукция, сырье и материалы; посевы сельскохозяйственных культур; крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи в возрасте от шести месяцев; лошади, в возрасте от одного года и племенной молодняк лошадей, ловецкие суда<sup>2</sup>. Страховое возмещение при гибели сельскохозяйственных культур и животных колхозы получали от Госстраха по нормам, установленным в законе «Об обязательном окладном страховании» от 4 апреля 1940 г. и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1942 г.<sup>3</sup> В соответствии с этим законом Госстрах возме-

<sup>1</sup> Ведомости Верховного Совета СССР. 1948. № 34.

<sup>2</sup> Там же. 1940. № 12.

<sup>3</sup> Там же. 1942. № 28.

щал убытки только в том случае, если колхоз содержал застрахованное имущество и посевы в строгом соответствии с противопожарными, агрономическими и ветеринарными правилами, принятия всех зависящих от страхователей мер к предупреждению пожаров, заболеваний животных и т. п. Причем в случае гибели или повреждения застрахованного имущества колхозы должны были сообщить не позднее одних суток. Если колхоз не укладывался в этот срок, то для госстраха это являлось еще одним основанием для отказа в выплате страховых сумм. Платежи по обязательному окладному страхованию вносились колхозами в следующие сроки: 40 % платежей — к 15 сентября, 30 % — к 1 ноября и 30 % — к 1 декабря. Не внесенные колхозом в срок страховые платежи обращались в недоимку по обязательному окладному страхованию, на которую колхозам за каждый день просрочки начислялась пеня в размере 0,05 %.

После этих выплат делались необходимые расходы на текущие производственные нужды, административно-хозяйственные расходы, выделялись средства на культурные нужды, пополнялся денежный неделимый фонд колхоза. Для покрытия административно-хозяйственных расходов колхоз мог выделить не более 2 % полученных за год денежных доходов. Этот фонд использовался на приобретение канцелярских принадлежностей, на почтово-телеграфные расходы, оплату командировочных членам колхоза, выезжающим по делам общественного хозяйства артели, на отопление и освещение, мелкий ремонт и покупку предметов обстановки для канцелярии правления колхоза и т. д.

Размер отчислений в культурный фонд колхоза определялся в зависимости от возможностей колхоза. Из средств культурного фонда колхоз мог производить расходы на подготовку колхозных кадров, организацию детских яслей и детских площадок, устройство радио, выписку газет, журналов и другой литературы

для клуба колхоза и т. п. Для обеспечения расходов на восстановление и расширение основных средств колхоза должен был пополнять свой неделимый фонд. В соответствии со ст. 12 Устава на пополнение неделимого фонда отчислялось в зерновых районах не менее 12, но не более 15 %, в районах технических культур и животноводческих районах — не менее 15, но не выше 20 % денежных доходов колхоза. Только после всех перечисленных выплат, оставшиеся денежные доходы подлежали распределению в конце хозяйственного года среди членов колхоза. Распределение денежных доходов среди колхозников производилось, так же, как и распределение натуральных доходов, то есть по выработанным трудодням. Устав разрешал до окончательного распределения денежных доходов выдавать колхозникам денежный аванс в течение года в размере не более 50 % причитающейся за работы суммы. Следует также отметить, что распределение денежных средств колхозом подлежало утверждению на исполкоме райсовета.

Таким образом, в период 1940-х гг. основной упор делался на изъятии производимой продукции. В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот — в 6 раз [4, с. 178]. При этом, поскольку основная часть производимой продукции обязана была поставляться по государственным ценам, колхозы от продажи государству сельскохозяйственной продукции практически ничего не получали. Не стремиться выполнить установленные сверх обязательства колхозы также не могли. За невыполнение планов, выплат МТС, договоров по контрактации, формирования различных фондов, выплат страховых сумм обязательно предусматривалась уголовная ответственность руководителей хозяйств перед государством. Поэтому редко, кто задерживался в этой должности на срок больше года.

Иногда в колхозах в течение года менялось по четыре-пять председателей<sup>1</sup>.

Государство и в послевоенный период по-прежнему стремилось изъять из деревни не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта. В 1946 г. собранный урожай зерновых был на 62,1 % меньше уровня 1940 г. Из этого урожая 51,7 % сбора сдано государству (37,2 % в 1940 г.). К выдаче на трудодень определено 41,1 млн ц или 14,1 % от оприходованного зерна, тогда как в 1940 году — 152,4 млн. ц или 19,9 % от собранного урожая. За 1946 г. 26,2 % колхозов не распределяли денежные доходы<sup>2</sup>.

Среднестатистические данные лишь отчасти раскрывают истинное положение крестьянства. Согласно им, потребление на душу наличного колхозного населения в 1950 г. оставалось, в основном, на уровне 1940 г., кроме хлеба, потребление которого снизилось на 13 %, а также мяса и рыбы (снижение на 4 %). Основным продуктом питания являлся картофель (рост в 2,67 раза). (Из картофеля пекли и хлеб, добавляя в него немного муки для склеивания; такой хлеб был практически лишен белка.) В целом же оплата по трудодням выглядела весьма пестро в любой области и в любом районе региона. По итогам 1949 г. в Киренском районе (Иркутская область) из 69 колхозов выдали на трудодень молоко и масло только 21 колхоз, овощи и картофель — 40, мясо — 6. При этом размеры выдачи составляли граммы<sup>3</sup>. По Тайшетскому району этой же области натуральные доходы в виде зерна до двух килограммов получили 17 колхозов, денежные доходы до 50 к. на трудодень — 11 колхозов, до одного рубля — 20 колхозов и два колхоза — свыше двух рублей. В Куйтунском районе распределение по 34 колхозам выглядело следующим образом: до 500 грамм зерна на

<sup>1</sup> ГАНИИО. Ф.273. Оп.2. Д.187. Л.33об.

<sup>2</sup> РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 2. Д. 18. Л. 58.

<sup>3</sup> ГАНИИО. Ф. 401. Оп. 2. Д. 659. Л. 39.

трудодень распределяли в шести колхозах, до одного килограмма — в девяти, до двух килограммов — в 12, свыше двух — в семи колхозах; деньгами: до 50 к. — в 15 колхозах, до одного рубля — 18, до полутора рублей — один колхоз<sup>1</sup>. О размерах получаемой из колхоза продукции говорит оплата по трудодням на душу населения из расчета на один день. В среднем, как пишет Ю.В. Арутюнян, крестьянин в годы войны получал «меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля в день — это стакан зерна и одна картофелина. Кроме того, выдавалось немного овощей, а мясо, масло, молоко практически не распределялось, если не считать расходов на общественное питание» [2, с. 341]. Денежная оплата в условиях военной инфляции имела символическое значение. Крестьянство выживало за счет личного приусадебного участка. Не случайно за годы войны не сократились, а даже несколько подросли как размеры приусадебных участков, так и поголовье скота на них. И это притом, что приусадебное хозяйство также облагалось налогом. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены) крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах — 40–60 кг и молока 100–280 кг. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т. д.) и сдать государству. Таким образом, для многих колхозников полученное за трудодни не покрывало расходов по тем налогам, которыми облагался крестьянский двор. Низкая рентабельность колхозного производства в этот период являлась следствием извлечения

<sup>1</sup> ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 27. Д. 43. Л. 151–152.

трудовых и материально-технических ресурсов села в действующую армию и в промышленность, что сопровождалось гендерной асимметрией трудовых ресурсов села, резким увеличением доли стариков и детей в аграрном производстве.

Система распределения доходов колхозов сложилась в результате мобилизационного варианта развития. В мобилизационной экономике приоритетное развитие и государственную поддержку получают стратегические отрасли, обеспечивающие наращивание военной мощи. Они же в перспективе становятся основой развития гражданских отраслей. Однако в этот период сокращение выпуска предметов потребительского назначения и сведение практически к нулю материальных стимулов обуславливает возрастание роли моральных факторов стимулирования труда. Чрезвычайная ситуация объективно обусловила преобладание моральных стимулов над материальными, но, с другой – сформировала и новые нормы трудового поведения, основанные на общественных ценностях и высоком уровне ответственности работников.

Сведение к минимуму материальной мотивации, неизбежно сопровождается укреплением централизации управления с одновременной опорой на внутренние материальные и трудовые ресурсы колхозов. Нельзя не согласиться с В.Т. Анисковым, когда он пишет, что в годы войны «был осуществлен строжайший (можно сказать крайний) организационный централизм...» [1, с. 197–198].

Централизация одновременно сопровождалась и бюрократизацией, поскольку обеспечение моральной мотивации влекло создание соответствующих институтов и механизмов активизации (планирование, социальное соревнование, агитация и др.), направленных на вовлечение работников в трудовой процесс. Поэтому не случайно, к концу 1940-х гг. в каждом районе имелись десятки различных «отделов» и контор, официально

отвечающих за тот или иной участок «идеологической», «массово-политической», «оборонно-массовой» работы. Согласно справке Иркутского областного управления ЦСУ, в среднем по каждому району на начало 1950 г. имелось 90 различных отделов, агентств уполномоченных и пр., в которых работало свыше 540 человек [6, с. 81]. Содержание разросшейся прослойки «руководящих кадров» районного звена ложилось на плечи колхозников. Это неизбежно сопровождалось изъятием части произведенной в колхозах продукции, уменьшая и без этого скудную долю, предназначенную для распределения по трудодням. Секретарь Алтайского крайкома говорил (в июне 1943 г.): «Мы исписали кучу всяких резолюций, планов, директив. В этих директивах и резолюциях до мельчайших подробностей разрабатывались и давались совершенно конкретные указания, простые и ясные, доступные для проведения в жизнь в любом месте, при любых обстоятельствах... Создавался своеобразный большой шум, возня, сотни людей разъезжали по колхозам, давали установки, указания, советы, но установщики, в которых, кстати говоря, не было недостатка, приезжали и уезжали, а порядки в МТС и колхозах оставались прежними»<sup>1</sup>.

С «экономической точки зрения», хозяйственное действие должно быть мотивировано интересом, опираться на свободу выбора модели поведения человека. Однако переносить данный «политико-экономический» тезис на мобилизационную экономику не представляется возможным. Здесь экономикой движет не интерес неких свободных индивидов, а цели, определяемые политической системой и направляемые на достижение победы. В такой конкретно-исторической ситуации интерес неизбежно замещается принуждением, выполнением «обязательств». Мотивация, сле-

<sup>1</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 50. Л. 35–36.

довательно, основана на принуждении и активизации морального фактора. При этом речь идет о внеэкономическом принуждении, подкрепляемым идеологическим контролем.

Стимулирование и мотивация труда, таким образом, могут рассматриваться как исторически детерминированный процесс в рамках определенного культурного фона. Важнейшей составляющей мотивации труда является внутренняя мотивация. Поэтому в конкретно-историческом контексте 1940-х гг. требуется достаточно четко разделить проблему стимулирования процесса труда и мотивацию труда, поскольку между этими явлениями связь в большей степени косвенная, опосредованная, нежели прямая. Изучение же внутренней мотивации имеет междисциплинарный характер и требует привлечения усилий специалистов области управления, культурологов, социальных психологов. Причем наибольшую сложность представляет именно реконструкция внутренней мотивации труда (психосоциальных факторов) применительно к конкретному историческому периоду, региону, ситуации, группе. Изучение психосоциальных факторов предполагает, в частности, анализ сплоченности группы, в которой работает индивид, а также атмосферы на рабочем месте, взаимоотношений с руководством, удовлетворенности работником своим трудом, формирования у него самой установки к труду, осознаваемых желаний, мотивов и т. д.

Исходя из этого, расхождение отраженных в законодательных документах основ трудовой деятельности с их реализацией нельзя квалифицировать как демотивацию труда. Стимулы к труду, если они даже существуют вне официально утверждаемых норм, но обеспечивают достижение поставленных задач, сохраняют свое мотивационное значение. Только в этом случае требуется искать мотивацию труда вне официально декларируемых стимулов.

В 1940-е гг. у государства не было средств, чтобы приобретать сельскохозяйственную продукцию и сырье на основе эквивалентного обмена. Но отказаться от этого курса — означало обречь страну на неминуемое поражение в войне, в послевоенной гонке вооружений и закреплении своего влияния на контролируемом пространстве. Поэтому не произошло облегчения налогового бремени и в послевоенный период. Обострение международной обстановки, новый виток гонки вооружений, необходимость укрепления позиций в Восточной Европе и других странах требовали не меньшей мобилизации ресурсов, чем в предвоенный период. Интересы сохранения российской государственности не оставляли других вариантов. В жертву приносились прежде всего интересы крестьянства. Однако длительное осуществление данной политики не только негативно влияло на мотивацию колхозного труда, но и порождало комплекс проблем, имевших самые серьезные социально-политические последствия для страны.

### Список использованной литературы

1. Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни : крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. Т. Анисков. — Новосибирск, 1993. — 245 с.
2. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. — 2-е изд., доп. — М. : Наука, 1970. — 466 с.
3. Базаржапов В. Б. Торговля и материальное обеспечение крестьян / В. Б. Базаржапов // Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии : тез. и материалы докл. респ. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию победы сов. народа над нем. фашизмом в Великой Отеч. войне 1941-1945 гг. — Улан-Удэ, 1995. — С. 43-52.
4. Новейшая история Отечества. XX век : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. — М. : Владос, 1998. — Т. 2. — 447 с.
5. Сборник руководящих материалов по колхозному строительству / сост. Пятницкий [и др.]. — М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. — 351 с.

6. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940-1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 354 с.

### **Информация об авторе**

*Шалак Александр Васильевич* — доктор исторических наук, профессор, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakov-av@isea.ru.

### **Author**

*Shalakov Aleksandr Vasilievitch* — D.Sc. in History, Professor, Department of History, Economics and Political Theory, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: Shalakov-av@isea.ru.

### **Библиографическое описание статьи**

Шалак А. В. Система обязательных поставок и проблема стимулирования колхозного труда в 1940-е гг. / А. В. Шалак // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 285–308.

### **Reference to article**

Shalakov A. V. The system of obligatory deliveries and the issue of labour promotion in kolkhoz in 1940s *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 285–308.